

Сергей Волошин

**МЯЧ
НЕ
КРУГЛЫЙ**

Сергей Волошин
Мяч не круглый

«Автор»

2024

Волошин С. П.

Мяч не круглый / С. П. Волошин — «Автор», 2024

На футбольной площадке средней школы появляется никому не известный мужчина, на общественных началах взявшийся тренировать мальчишек и готовить их к турниру на кубок города. Станный и окутанный тайной неизвестности наставник своими методами работы влюбляет в себя мальчишек футбольного коллектива, импонирует директору школы, нравится его любовнице - учительнице физики и матери капитана сборной школы. Но вместе с первыми победами в турнирных матчах начинает выясняться, что тренер совсем не тот, кем он кажется окружающим.

© Волошин С. П., 2024

© Автор, 2024

Содержание

1	6
2	9
3	13
4	15
5	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Сергей Волошин

Мяч не круглый

1

Последние годы вся жизнь Юлии Павловны Березиной механически замкнулась в сложной геометрии трёх квадратов – старого родительского дома, знакомого ещё с детства учительского кабинета и пустой необставленной квартиры, принадлежащей директору школы Олегу Владимировичу Дятлову. Он называл эту жилплощадь запасным аэродромом, приобретённым на доходы от нескольких избирательных кампаний, на тот случай, когда он расстанется со своей женой. Развестись с ней он обещал Юлии Павловне едва ли не при каждой интимной встрече, но долгие годы шли, таяли короткие месяцы, а Олег Владимирович никак не мог решиться на радикальный шаг – подать на развод с супругой, которую он, по его словам, не любил никогда.

Женился Олег Владимирович по настоянию своих родителей, которые и познакомили его с будущей супругой. Женился исключительно по расчёту, так как тесть занимал в городе высокую должность, имел неплохие деньги и внушительное административное влияние – мог решать серьёзные кадровые вопросы на самом высоком уровне. Собственно, должность директора средней общеобразовательной школы досталась Дятлову не из-за его деловых качеств, а по мохнатой протекции тестя. В сентябре город готовился к местным выборам, в которых Олег Владимирович едва ли не со стопроцентной гарантией планировал получить должность депутата и фактически обеспечить себе не только карьерную неприкосновенность, но и продвижение на более высокую должность. Тесть и здесь приложил свою вездесущую руку, пожалуй, самую страшную для Дятлова часть тела отца жены. Именно этой руки, а не ревнивой скандальной супруги, больше всего и боялся Олег Владимирович, мысленно представляя себе будущий бракоразводный процесс.

Единственное место, где Дятлов чувствовал себя в безопасности и покое, где он мог отвлечься от нервной работы и тяжёлых мыслей, была эта пустая квартира на пятом этаже типовой хрущёвской пятиэтажки. Входная деревянная дверь без обивки, кухня со скрипящим бабушкиным столом, незастеклённый продуваемый всеми ветрами балкон с ржавыми перилами. Сам полноватый, неуклюжий, с зарождающейся на рыжей макушке лысиной, Олег Владимирович ступал своими иксообразными ногами по периметру единственной прямоугольной комнаты, обходя стоящий посередине раскладной диван, и важно заявлял разместившейся на нём Юлии Павловне, что совсем скоро в эту квартиру зайдут высококлассные специалисты, имеющие московский опыт ремонтов, и превратят помещение в райское место, где назревающей семейной паре жить будет комфортно и удобно.

Одного в предполагаемом им послеразводном раскладе не учитывал Дятлов – куда девать двенадцатилетнего сына Березиной – Серёжу. В однушке троим будет тесно. Олег Владимирович рассчитывал и даже скромно намекал любовнице, что было бы неплохо, чтобы Серёжа жил с бабушкой – мамой Юлии Павловны. По выходным приходил бы в гости, или наоборот – навещали бы его. Серёжа учился в шестом классе «А», классное руководство которого вела сама Березина. Почти целый день под присмотром матери и её коллег. Что ещё нужно мальчишке?

Но Юлия Павловна была против, считая, что сын, входящий в пубертатный период, обязан получать максимум материнского внимания. Поэтому и не давила на Олега Владимировича своими женскими хотелками. Любила ли она Дятлова? Много раз, приходя домой и уединяясь с тетрадами в гнетущей цементной пустоте спальни комнаты, Юлия Павловна задавала себе этот вопрос. И не находила ответа.

Ей тридцать четыре года, красива, скуласта, высока, статна, всегда одета с иголочки по последнему пisku моды, распущенные чёрные волосы всегда маняще развивались на ветру. Водители проезжающих по району автомобилей непременно сигналили, старшекласники за спиной ехидно цокали языками и присвистывали – те ещё прыщавые ловеласы. Но что-то в жизни складывалось не так, как нужно, как у коллег или подруг.

Замуж вышла неудачно, ещё учась на предпоследнем курсе педагогического университета. В склоках и взаимных упреках вместе с бывшим мужем – ни на что не способным маминим сыном – прожили на съёмной квартире чуть больше года. А потом – защита долгожданного диплома, развод, девичья фамилия и – родной дом с неисправным водопроводом и мамулиными пирогами.

Дятлову сорок. Некрасив, зато образован, воспитан, перспективен. Пусть и во многом зависим от тестя. Но это временно. Как только станет городским депутатом, всё круто изменится. Никакие силы не посмеют подвинуть его с директорского кресла. Откроются новые политические и карьерные возможности. До выборов ему разводиться нельзя, это Юлия Павловна усвоила как молитву. У будущего депутата должна быть безупречная биография: жена из приличной семьи, хорошая дочь, неуязвимая декларация. А потом? Потом всё станет по-другому, безупречно лучше и радостней. Юлия Павловна считала, что она сможет быть хорошей женой. А любит или нет – да важно ли это, когда рядом будет уважаемый тобой человек.

Березиной всё время хотелось представлять Дятлова таким, как был её отец. Ни высокого образования, ни знатной родословной, ни продвинутых связей, но дело своё на заводе он знал хорошо. Потому и избрали бригадиром комплексной бригады, даже выдвигали в депутаты. Но отец отказался. Решил, что его дело – завод и семья, а не посиделки на депутатских комиссиях и ежемесячных сессиях. Отца уважали и на улице, и на предприятии, и даже в школе, куда он заходил в дни родительских собраний. Уже столько лет прошло, как покоится родитель на новом городском кладбище, а коллеги и соседи всегда заглянут на могилку, присядут на старую растрескавшуюся скамейку, достанут бутылочку вина и помянут добрым словом.

Юлия Павловна запомнила отца спокойным, уравновешенным, добрым и щедрым. На каждый праздник – подарки, каждый выходной – в кино, в кафе или на пикник. Мама до сих пор говорит, что с Березиным невозможно было и поругаться как следует. Всегда улыбнётся в ответ на жёсткое слово, на грубость ответит лаской, а на молчание – извинением.

Несмотря на то, что Дятлов переселил школьную секретаршу из приёмной в отдельный кабинет – чтобы не видела нежелательного и не болтала лишнего, все в учебном заведении были в курсе отношений Олега Владимировича и преподавательницы физики Юлии Павловны, работающей на должности уже пятый год. Кто-то осуждал их, кто-то завидовал, но равнодушных не наблюдалось. Когда Юлия Павловна после уроков заглядывала к директору в кабинет, коллеги пошло шутили про «голодного дятла, который сухую берёзу долбит».

Любовники знали об этой злой шутке, но старались не обращать на неё внимания. Куда интересней было вдвоём наблюдать за баталиями на футбольной площадке школы, которая располагалась ровно напротив окон директорского кабинета. Дятлов с детства любил футбол. А на школьном поле всегда играл сын Березиной – Серёжа, поэтому равнодушной к футболу невольно стала и она. В школе почти целый год не было преподавателя физической культуры, и неизбалованные спортивными баталиями мальчишки с горячим азартом рвались на стадион, чтобы выпустить свою накопившуюся за время уроков энергию.

– Юль, а что это за странный мужичок на футбольном поле крутится? Смотрю, уже который день здесь топчется, что-то пацанам рассказывает, что-то показывает, – сидя за широким ламинированным столом и звучно потягивая свежесваренный ароматный чай, спросил Олег Владимирович.

– Понятия не имею. На вид вполне приличный, – с оценивающим безразличием рассмотрев незнакомца за окном, пожала плечами Березина.

– Так ты у сына расспроси. Может, тренера какого попутным ветром занесло? Нам бы в спортзал подошёл. Только почему ко мне не зайдёт, не представится? Нехорошо это как-то, – скривился Дятлов, превратив свои губы в подобие тромбонного раструба.

– Хорошо, поговорю, – послушно кивнула Юлия Павловна, про себя подумав, что можно было бы директору и самому выйти на площадку, поддержать ребят и поговорить с мужчиной, раз уж есть такой интерес.

2

Больше всего в жизни Серёжа любил футбол. Это, наверное, передалось от деда. Тот в молодые годы нападающим гонял мяч за заводскую команду, а потом, когда забарахлило сердце и обмякли сосуды, не пропускал по телевизору ни одного матча. И до самой смерти, случившейся от инсульта, рассказывал внуку о правилах игры, о тактике и стратегии, о старых советских футболистах, нагонявших страх на всю Европу, да и о своих спортивных подвигах любил немного приврать.

В комнате Серёжи на полосатых обоях висели вырезанные из спортивных журналов и газет фотографии знаменитых футболистов. Юлия Павловна не знала никого из них, но чтобы расположить сына и вызвать его на откровенный разговор, решила расспросить, что за красавцы смотрят в глубину комнаты со стен родительского дома.

– Да ты всё равно их не запомнишь, мама, – воодушевленно рассмеялся Серёжа. – Вот этот чёрный – Пеле, он бразилец, играл очень давно, наверное, тогда, когда ещё и дедушки не было на свете.

– Разве? А я помню, что дед часто произносил эту фамилию, – перебила Юлия Павловна.

– Это не фамилия, мама, это кличка, – гордо пояснил Серёжа. – У бразильцев очень длинные и сложные имена и фамилии, ещё и очень похожие друг на друга, повторяющиеся, поэтому многие футболисты играют под короткими спортивными прозвищами. Ну, представляешь, если комментаторы будут произносить Жозе Роберту Гама де Оливейра, Рикарду Изексон дус Сантус Лейти или Мануэл Франсиско дос Сантос? А так просто – Бебето, Гарринча, Кака...

– Кака? – переспросила Юлия Павловна.

– Ударение, мама, не на первый слог, а на последний, – рассмеялся Серёжа.

– И как ты только запомнил всех этих рикардов и сантосов? Правила бы так запоминал, – развела руками мама, присаживаясь рядом с сыном на диван.

– Правила не интересно. Они мёртвые. А футболисты живые. Даже те, которые уже умерли – их всё равно помнят, записи матчей с ними просматривают, статьи о них читают, на них равняются, – сказал Серёжа, распрямляя спину и сердито раздувая ноздри.

– А это кто? – спросила Юлия Павловна, показывая на яркую большую фотографию с симпатичным небритым мужчиной.

– Это Месси.

– Кличка?

– Нет, Месси – это фамилия. У аргентинцев всё не так, как у бразильцев. Они непримиримые соперники не только по футболу.

– Интересно всё это. Какой-то свой особенный мир. И ты в нём живёшь. Я как-то совсем не любопытствовала этой частью твоей жизни: а кто-нибудь тебя учит футболу, сынок? – спросила Юлия Павловна.

– Особо никто, – отмахнулся Серёжа. – Секции у нас нет, в спортшколе ездить далеко, да там и отбор серьёзный, меня не возьмут...

– Это почему же?

– Мясо надо наращивать. Голова моя бестолковая работает хорошо, а скорости нет, рост мал, удар слабоват, тренироваться надо, – вздохнул сын.

– Сам так решил или намекнул кто?

– Намекнули...

– Кто? Нет тот ли мужчина, что приходит к вам на спортплощадку?

– А ты откуда знаешь о нём, ты же не приходишь смотреть наши игры? – подпрыгнул на диване Серёжа.

– Видела со стороны, – немного зарумянившись, улыбнулась мать.

– А-а, из окон подглядывала? Опять у этого Дятла была? – резко пробурчал Серёжа.

– Зачем ты так? Он не Дятел, а Дятлов Олег Владимирович, давай не уподобляться бразильским комментаторам. Между прочим, директор школы и будущий депутат. Уважительнее надо быть к старшим, сынок, тем более к учителям, – с гневной нотой в голосе проговорила Юлия Павловна.

– Да надоело мне уже! Весь класс меня подкалывает, что ты к нему ходишь. Смеются, спрашивают: «Когда у меня будет братик или сестричка – дятлёныши?», – прошипел Серёжа, сделав акцент на последнем слогe.

Воцарилось молчание, сопровождающееся еле слышимым шорохом системы охлаждения стоящего на письменном столе компьютера. Юлии Владимировне очень хотелось откровенно поговорить с сыном на тему её отношений с Дятловым. Много раз она пыталась это сделать, но не решалась, ощущала, что не хватает чувствительных аргументов на его дерзкие мальчишеские вопросы. Вот и в этот раз решила не искушать судьбу – рановато сыну вникать во взрослые дела. Подрастёт – поймёт, наверное. Тем более, что и тема разговора предполагалась иная.

– Так что это у вас за тренер появился? Кто он, откуда? – нерешительно, словно виновато, спросила Юлия Павловна.

– Дмитрий Николаевич, – задумчиво ответил Серёжа. – А кто он и откуда, я не знаю. Он нам не рассказывал.

– А к вам он как и когда присоединился? Помнится, что в конце марта на весенних каникулах вы сами месили грязь на площадке.

– Да вот, как четверть началась, мы вызвали на матч шестиклассников пятнадцатой школы, – протараторил Серёжа. – Там сильные футболисты, мам, два человека за сборную города играют по своей возрастной группе, один нападающий, второй полузащитник, диспетчер называется.

– Диспетчер?

– Да. Это разыгрывающий, в общем, пасующий. От его пасов голова кругом у защитников идёт. Классный игрок, Денисом зовут, кличка Мотя.

– Почему Мотя?

– Фамилия Мотийчук потому что. Так вот, они тоже, как и мы, готовятся к кубку города среди школ. В мае начнётся. Им тоже игровой опыт нужен. Там ведь соперники крепкие. Двадцатую школу, понятно, её боятся все, но и девятнадцатая – мощная банда, а у тридцать четвертой вратарь из спортшколы – невозможно забить, стоит как чёрт. Да и остальные команды приличные. Пятнадцатая вообще-то – по нашему возрасту одна из лучших в городе, поэтому нам такой спарринг нужен был как воздух, мам. Проверить себя – сможем ли конкурировать с другими. У нас ведь, ты знаешь, физкультуры нет, пацаны не в форме. Сомневаемся в своих возможностях. В общем, вышли мы против пятнадцатой, возят они нас весь первый тайм, в одну калитку игра идёт. Три гола закатили играючи. А у нас только Ванька Щукин умеет водиться, и нормально так бьёт по воротам. Если бы не он, так и ушли бы на перерыв, проигрывая всухую с крупным счётом. Забил он дальним ударом чуть ли не с центра поля. Повезло, если честно. А на перерыве подходит к нам этот дядька, Дмитрий Николаевич. Спокойный такой, улыбающийся. Он весь тайм за воротами стоял и молча наблюдал за нашими конвульсиями. И говорит: «Вы, ребятки, присядьте на травку, глубоко и медленно подышите, успокойтесь, и меня послушайте очень внимательно». Мы так офонарели слегка: кто такой, чего надо?

– Я бы тоже офонарела, наверное, пришёл весь такой себе модный, и слушайте его, видите ли, – весело подхватила Юлия Павловна. – Ну, и что дальше?

– Да не модный он, мам. Обычный самый, добрый, – одёрнул Серёжа. – Он, оказывается, не просто смотрел игру, а анализировал действия каждого нашего игрока и соперников. Представляешь? По каждому в отдельности рассказал, какие были ошибки, какие сильные моменты,

и в целом увидел, что вся игра пятнадцатой школы строилась через этого Мотю. Защитники или вратарь, не глядя, выносят на него, Мотя цепляется за мяч в центре поля, спокойно разбирается с нашей полузащитой и разрезает нашу оборону чёткими пасами на ход двум своим нападающим. Элементарно, мам, но зато так эффективно. И мы ничего не можем сделать. А Дмитрий Николаевич нам пояснил, что это преимущество соперника можно обернуть в недостаток, если взять Мотю под персональную опеку. У нас на правом краю обороны играет Юрка Плотников из шестого «бэ», ну, тот, который ростом как каланча. Он ходил в секцию лёгкой атлетики, бегом занимался. С мячом обращается так себе, зато догнать и перегнать нереально и лупит сильно. Дмитрий Николаевич снял с него обязанности защитника и сказал: «Ни на шаг, ни на полшага от Моти не отходишь. Не даёшь ему свободно дохнуть, атакуешь не тогда, когда он будет с мячом, а в момент приёма мяча. Гирей висишь на нём, путаешь ему ноги, дышишь ему не в затылок, а в лицо. Пусть он нервничает. Пусть ошибается и нарушает правила. Нам только лучше от этого».

– Интересно как...

– Ха, это ещё не всё, мам. Мотю Юрка прикрыл плотно. Мотя от бессилия даже матом ругаться начал, хотя весь первый тайм сплёвывал сквозь зубы, посмеиваясь нам нами.

– Матом? Боже мой, в шестом классе...

– Не перебивай, мам, – Серёжа с довольным видом поднял глаза, вспоминая эпизоды проведённого матча. – Дмитрий Николаевич заметил, что мы в первом тайме играли очень кучно. То есть бегали толпой, и сами себе мешали, и Ваньке Щукину. Он выходит на ударную позицию, и мы зачем-то всей толпой прёмся на этот участок поля по центру ворот, стягивая в кучу защитников соперника. Как рой пчелиный бестолково носимся по полю. В итоге ни ударить нормально, ни пас отдать некому, все накрыты, а фланги пустые. Но Дмитрий Николаевич посоветовал мне и второму нападающему Максиму Шохину уйти на самые бровки, чтобы растянуть защитников и разрядить центр для быстрых прорывов Щукина. Так же он расставил крайних полузащитников. А защитникам нашим сказал играть строго по игрокам противника, то есть не просто бежать туда, где мяч, и не топтаться в своей закреплённой зоне, а всегда находиться возле своего оппонента и не дать сыграть ему. Вратарю Никите Белову тоже порекомендовал не торчать столбом на линии ворот, а выходить вперёд, быть участником игры, контролировать всю штрафную площадку, страховать защитников на случай возможных прорывов или неточных передач.

– Ух, ты, красиво как, – хлопнула в ладоши заслушавшаяся сына Юлия Павловна. – Ты бы сочинения на русской литературе писал так, как про футбол рассказываешь.

– Мам, да при чём тут русская литература? – возмутился Серёжа. – Футбол – это же тебе не какая-то литература. Тут думать надо. Дмитрий Николаевич так и сказал, что не всегда выигрывает тот, кто сильнее, чаще всего тот, кто умнее своего соперника. Ты дальше слушай. Вышли мы на второй тайм. Пятнадцатая расслабилась, почувяла, что победа уже в кармане и не усекла, что у нас произошли тактические изменения. План Дмитрия Николаевич дал результат. Мы с Шохиним ушли на бровки, стали таскать мяч по флангам и простреливать в центр на Щукина. Появились моменты. Мотя, который у них был капитаном, нагнал на нас защитников, чтобы не дали нам резвиться, но не тут-то было. Из-за растягивания линии защиты в центре их обороны стали появляться дырки, а Щукину только того и надо, с его скоростью и сильным ударом. Через десять минут мы уже сравняли счёт. А через пятнадцать вели пять три. Представляешь? Наши пацаны как озверели, когда почувствовали, что игра пошла. В первом тайме ничего не получалось, а здесь – всё наоборот. Плотников замучил Мотю, тот в конце матча чуть не плакал от бессилия. А без Моти, как оказалось, и игры у пятнадцатой никакой нет. Все только и ждали его обводки и пасов. Дмитрий Николаевич – голова, мам. Чётко прочитал всю игру и выстроил нашу тактику как надо. Никогда не думал, что такое возможно.

– И после этого он и стал к вам приходиться? – спросила Юлия Павловна.

– Мы его попросили. Он согласился. Теперь немного тренирует нас, учит комбинациям в парах, в тройках, работает с вратарём. Теперь Белов знаешь как в рамке стоит – муха не пролетит.

– А работает ваш Дмитрий Николаевич где?

– Откуда мне знать? Я не спрашивал. И никто не интересовался. Но сразу видно, что в молодости он сильно играл в футбол. Когда бьёт по воротам – хоть каску надевай, чтоб в голову не попало. Так он ещё жалеет нас, малых, в полсилы бьёт. А какие финты он нам показывает, мам, как по телевизору, у Роналдиньо.

– Опять кличка?

– Ага. Полное имя Роналдо де Ассис Морейра.

– Запомнил же, молодец... Всё это интересно, конечно. В середине рабочего дня человек работоспособного возраста тратит своё личное время на тренировки беспризорной команды. Такое только у Макаренко в «Педагогической поэме» найти можно, но тогда и времена другие были. А образование какое у этого Дмитрия Николаевича?

– Говорю же: не знаю я. Мы его личность, мам, не выясняли. Но пацанам он очень нравится, и как тренер, и как человек. А зачем тебе всё это знать? – с недоверием сузив резвые карие глаза, спросил Серёжа.

– Ну, как... – замялась Юлия Павловна, снова покрывшись светлым румянцем. – Должна же я знать, чем дышит её сын, с кем он дружит, у кого тренируется. У нас ведь нет физрука в школе, может, ваш Дмитрий Николаевич самый настоящий преподаватель физкультуры. И безработный. Ну, гипотетически.

– И твой Дятел, то есть Дятлов возьмёт его на работу? – радостно подпрыгнул Серёжа. – Хорошо, мам, я спрошу у Дмитрия Николаевича. Он завтра придёт к нам на тренировку.

Почему-то в этот момент Юлии Павловне показалось, что она очень давно знает Дмитрия Николаевича, с провалившегося в прошлое беззаботного детства или волнительной юности. Сама ведь такая – верящая в алые паруса и готовая бескорыстно кроить их для других ждущих трепетных душ. Почти год в школу не могут найти учителя физкультуры – то не устраивает зарплата, то место расположения заведения – окраина города, то его руководитель – слишком требовательный. А тут приходит человек из ниоткуда, и дарит свой труд, свои знания, опыт, время и талант на благо незнакомых ему детей. Это дорогого стоит. А попытка – не пытка, вдруг сойдутся звёзды, и Дмитрий Николаевич окажется тем самым искомым кандидатом на свободную вакансию.

3

В шестом «А» вместе с Серёжей Березиным учились две девочки-подружки – Аня Боева и Света Крамских. Аня смазливая, высокая, отличающаяся тяжёлой медленной походкой, широкоплечая и широкобёдрая хохотунья была душой класса. Она нравилась всем мальчишкам своей простотой в общении, отзывчивостью и щедростью. Всегда поделится, посоветует, подменит, легко даст списать домашнее задание, а училась она лучше всех в классе. А Света была противоположностью подружки – тихая, скрытная, непонятная, но красивая, с тонкими чертами лица, лёгкая в движениях, словно профессиональная танцовщица.

Во всяком случае, такой она казалась Серёже. Ещё в начале учебного года по решению совета класса и с позволения Юлии Павловны мальчишки провели своеобразную жеребьёвку – кто с кем весь год будет сидеть за одним столом. И Березин вытянул из пластикового лототрона бумажный свёрток с фамилией Крамских. Засмутившись, хотел незаметно бросить его обратно, чтобы быстро ухватить другой, но глазастая староста класса Оля Осокина заметила этот неуверенный жест Серёжи, и остановила его, призвав озвучить результат жребия.

Серёжа очень хотел сидеть со Светой. Впервые в своей жизни он столкнулся с тем, что судьба может совершенно неожиданно одарить свершением твоей мечты. И испугался этого. Как так? Сидеть со Светой совсем рядом? Слышать её дыхание, касаться её локтя, опускать глаза и смотреть на её неприкрытые юбкой колени? С первого класса Березину нравилась Света, но он никогда никому не говорил об этом, а встречаясь с девочкой взглядами, всегда изображал безразличие и первым отводил глаза.

Крамских тоже не проявляла интереса к своему соседу по столу. Вела себя обособленно и даже, казалось, горделиво. Так продолжалось несколько месяцев, пока на уроке английского языка она не увидела в руках у Серёжи старую потрёпанную книгу в мягком переплёте «Комбинации в парах».

– А это о чём книга, о танцах? – шёпотом спросила Света.

– Про футбол, – сжавшись от неожиданного интереса соседки, ответил Серёжа, при этом почувствовав, что ему приятен вопрос.

– Да? Ты читаешь такие книги? А где взял? – залепетала Света так, будто сама играла в футбол и ходила на тренировки.

– Читаю. Тренер подарил, сказал, что теоретическая подготовка – это половина успеха игрока и команды в целом, – строго сдвинув брови, ответил Серёжа.

– У вас есть тренер? Правда? – удивилась Крамских.

– Да. Он к нам каждый день на площадку приходит после уроков. Хочешь, тоже приходи... – неожиданно для самого себя возбуждённо выпалил Березин. – Ну... посмотришь, как мы обрабатываем эти комбинации. А не понравится, уйдёшь...

– Комбинации в парах? Танцуете что ли? – засмеялась соседка.

– Можно и так сказать, – поддержал доброе настроение Светы Серёжа. – А вообще эти комбинации называются «стенка», «открывание», «выход на свободное пространство», «пропускание мяча», «скрещивание», «смена мест», «отвлечение внимания», ну, и разные другие.

– Ого! И всё это надо знать, чтобы играть в футбол? – удивилась Света.

– Чтобы хорошо играть, нужно знать гораздо больше. Вот Дмитрий Николаевич – он, наверное, знает о футболе всё, – вздохнул Серёжа.

– Это тренер ваш?

– Ага. Он нас готовит к турниру на кубок города среди школ. Меня капитаном нашей команды хочет поставить, считает, что я ключевой игрок. Разыгрывающий. А я боюсь ответственности. Капитан – это же не сам за себя. Если выиграли, то побеждает команда, а если проиграли...

– То что?

– Если проиграли, значит, виноват капитан. Не выполнил тренерскую установку на игру, не вдохновил партнёров, не провёл среди них психологическую подготовку, не повёл за собой, не стал примером для команды.

– Заумно всё как-то у вас. Я думала, что футбол – это бей мяч подальше и не дай сопернику забить гол тебе. Всё просто.

– Так ты придёшь?

– Если это удобно, то приду. С Аней. А мальчики не будут против?

– Наоборот, нам нужна поддержка. Мы ведь за всех вас биться на чемпионате будем, за всю школу, ведь наши старшеклассники отказались играть в своей группе.

– Вот козлы!

– Какие ещё козлы, Крамских!? – раздался громкий голос преподавательницы английского языка. – А если вдруг и козлы, то как это слово будет звучать по-английски?

– Не знаю, Вера Андреевна, – поднимаясь со стула и покрываясь розовыми пятнами, виновато сказала Света.

– Гоутс, милочка. Садитесь.

– А я думал, что Гоутс – это английская фамилия, – весело крикнул с места Серёжа, пытаясь таким образом, как в подаренной тренером книге, отвлечь внимание учительницы на себя.

– Ничего смешного здесь нет, Березин. В русском языке тоже есть подобные фамилии, Козлов, например, или Козленко, – парировала Вера Андреевна.

– Или Козлодоев, – под хохот одноклассников продолжил Серёжа.

– Я сообщу матери о вашем чувстве юмора, Березин, – строго пробасила англичанка. – Ей это не понравится, думаю, особенно в свете того, что шутите вы, юноша, в тот момент, когда у вас вырисовывается годовая тройка.

– Вера Андреевна, ну, почему тройка? – возмутился Серёжа.

– Потому что не учитесь, как следует. И я буду настаивать на том, чтобы вы посетили дополнительные занятия и могли в конце четверти вытянуть английский хотя бы на слабую четвёрку, – Вера Андреевна так говорила всегда, когда хотела подвести итог уроку и всем намекнуть на оплату её внеурочного труда.

4

На тренировки Дмитрий Николаевич всегда приходил без опозданий. Снимал куртку, аккуратно вешал её на дерево, доставал из спортивной сумки секундомер, свисток, блокнот, ручку, диктофон, делал какие-то записи, не поясняя мальчишкам их смысл. Но все понимали: так надо для решения общей задачи, так делают настоящие тренеры.

После лёгкой разминки, в которой тренер сам принимал активное участие, началась отработка передач и ударов по воротам. Дмитрий Николаевич в этот раз принёс с собой три новых мяча. Они были изготовлены не из кожи, а из дерматина, выглядели старомодно и неуклюже, но для тренировки оказались вполне пригодными. Да и одним мячом коллективу в целых двадцать мальчишек – одиннадцать основных и девять запасных – заниматься было сложно. Объём технико-тактических задач на тренировках увеличивался, росла интенсивность занятий, поэтому, чтобы не было простоев, возникла необходимость разделяться на несколько групп.

– Маловато мячей, маловато, – грустно вздыхал Дмитрий Николаевич. – В идеале было бы, конечно, неплохо каждому игроку иметь свой мяч. Но я понимаю, не все родители могут себе позволить эти затраты.

– А эти мячики вы где взяли, Дмитрий Николаевич? – с интонацией искренней благодарности за принесённый тренером инвентарь спросил Серёжа.

– Да, как тебе сказать, – задумался Дмитрий Николаевич, напряжённо сдвинув высокие брови и нахмутив обнажённый лоб. – Выпросил у старого приятеля, он когда-то физкультуру в училище преподавал, пересекались с ним по работе. У него раньше этих мячей было-о... Насобирали за жизнь.

– А вы где работаете, Дмитрий Николаевич? И какое у вас образование? – помня об обещании, данном маме, спросил Березин.

– Да это не важно, Серёжа, – широко улыбаясь и обостряя глубокие ямки на щеках, отмахнулся тренер, – Можно сказать, что бездельник. Куда важнее нам с тобой, дорогой мой капитан, выиграть кубок города. Об этом должна болеть голова.

– Это вряд ли. Да и не капитан я ещё. Команда должна выбрать, – пожал плечами Березин.

– А ты разве сам не чувствуешь, что ребята уже ориентируются на тебя? Не на Щукина, заметь, а на тебя? – сурово так, но доверительно, по-отцовски, спросил Дмитрий Николаевич. – И не только ребята...

– А кто ещё? – удивился Серёжа.

– А вон, посмотри, болельщицы подросли, как раз к двухсторонней игре, – махнул рукой в сторону Дмитрий Николаевич, бодро подтянул спортивные брюки, выпрямил спину и дал команду построиться и рассчитаться для разделения на два состава.

За южными воротами, обтянутыми ветхой сеткой, стояли Аня и Света. Аня, как всегда, что-то интенсивно говорила, улыбалась, махала руками одноклассникам, а Света, казалось, широко смотрела только на Серёжу. Их взгляды встретились, на этот раз Березин не опустил глаз, а немного неловко подмигнул однокласснице, одновременно кивая головой. Жест получился скованным, непонятным, но Света тоже кивнула, подмигнула Серёже и беззвучно прожевала тонкими губами слово «привет».

– Привет, – почти шёпотом ответил Серёжа. – Виделись же...

– Бере-е-зин! – окликнул тренер. – Не отвлекаться на красивых девушек! Первым делом, первым делом – бить в ворота, ну, а девушки, а девушки – потом, – под весёлое улюлюканье мальчишек поставленным мощным баритоном пропел он.

– Иду, Дмитрий Николаевич! – крикнул Березин.

– Не иду, а бегу, – добавил тренер. – И вообще, дорогой наш Березин, мы вот с командой недоумеваем: почему ты думаешь, что мы не способны взять кубок города? Ответ коллективу, пожалуйста.

– Ты чего, Берёза? – сжав кулаки, буркнул Ванька Шукин.

– Чего-чего? – прошипел опороченный Березин. – Как ты у двадцатой выигрывать собрался, у них семь человек на областных соревнованиях за спортшколу играют. Вот и сомневаюсь.

– А ты, Серёжка, как капитан команды, не должен сомневаться в своих партнёрах, – важно прохаживая по бровке вдоль строя мальчишек, деловитым речитативом сказал Дмитрий Николаевич. – Они, партнёры твои то бишь, ничем не хуже тех, что тренируются в спортшколе. И у одних, и у других по две руки, по две ноги, по одной голове. Разве не так, ребята?

– Так! Так! – закивали мальчишки.

– Вот поэтому, мои дорогие, победит в чемпионате та команда, которая на определённый период времени окажется в лучшей функциональной, технико-тактической и психологической форме, и которой немножечко, самую-самую малость... будет что?..

– Что-о-о? – забубнили мальчишки.

– Будет везти! Вот что! – раскатисто захохотал Дмитрий Николаевич. – Мы ведь играем по кубковой системе, ребята. Это система с выбыванием. Проиграл – закончил турнир. Выиграл – прошёл в следующий этап. Запомните, непобедимых нет. А выигрывает всегда та команда, которая что?

– Что-о? – загудел строй.

– Забывает.

– А не проигрывает та, которая...

– Не пропуска-а-ет! – хором рявкнули мальчишки.

– Верно! Мяч он ведь какой?

– Кру-у-глый!

– Ответ неправильный! Мяч шарообразный. И на шару может закатиться в любые ворота!

– Дмитрий Николаевич, а вы в какой команде играли и сами много турниров выигрывали? – с некоторой ехидцей в косом взгляде и, продолжая похохатывать от шутки про шарообразный мяч, спросил Шукин.

– Было дело, играл. Но сейчас это уже не важно и не имеет никакого значения. Главное, что я вынес из своего спортивного прошлого, – Дмитрий Николаевич, что-то вспоминая, сделал длинную паузу, потом решительно поднял указательный палец правой руки вверх и прочитал стихотворение:

Бесконечная усталость.

Пот, катящийся с виска.

Мало времени осталось

До финального свистка.

Был я молод, бегал вволю,

Так и шастал как челнок

По размеченному полю,

Не жалея сильных ног.

А встречали! – как министра.

Уважительно до слез.

Операцию мениска

Я еще не перенес.

Тренированное тело

Тоже к сроку устает.

Пусть всё это пролетело,

Но во мне оно поет.

Вот судейская сирена

У судьбы уже во рту.

Лужниковская арена

Отступает в темноту.

Может быть, не всем заметны

В тишине, на склоне дня.

Но отдельные моменты

Были в жизни у меня.

– Здорово! – закивали в строю.

– За работу, парни! На первый-второй рассчитайсь!

5

Серёжа так и не смог объяснить маме, где работает их футбольный тренер Дмитрий Николаевич и какое у него образование. Да и вообще никаких подробностей о том, что это за человек и откуда он, никто сказать не мог. Внешне красив, возрастом лет сорока, выдержан, спокоен, с хорошим чувством юмора, со вкусом одевается, но на тренировках всегда в спортивном костюме.

– Ну, не говорит он о себе, мам, – посетовал Серёжа. – Сказал, что это не важно. Бездельником себя назвал. Типа отписался так эффектно – не приставайте с ненужными вопросами. Ещё сказал, что он играл за какие-то команды, но за какие – промолчал.

– Странный он у вас, непедагогичный какой-то, – расстроено резюмировала мама. – Обычно люди преподносят себя, стараются в глазах своих подчинённых или подопечных выглядеть солидней, опытней, сильнее, выше, образованней, культурней, чем даже есть на самом деле. Вот директор наш, Олег Владимирович, тот никогда не пропустит момент похвалить себя.

– Мам, ты опять про этого Дя...тлова? – негодуяще ощетинился Серёжа.

– Ну, прости. Просто как пример привести хотела. Всё-таки пять лет под его руководством работаю, уже привыкла, – опустила взгляд Юлия Павловна.

– И никогда не хотелось перейти на другую работу, заняться чем-то другим? – спросил Серёжа.

– А куда? Здесь всё-таки родная школа, кое-кто из старых учителей помнит меня ещё девчонкой. Если и уходить куда-то, то раньше, наверное, надо было думать или оставаться на прошлом месте работы в училище. А сейчас сроднилась, привыкла, успокоилась. И чем я ещё могу заниматься? Я учитель, сынок.

– Ты себя уже считаешь старой? – вдруг спросил Серёжа.

– Почему ты так решил? – высоко подняв тонкие чёрные брови, изумлённо спросила мама.

– В тебе пропал дух авантюризма. А это первый признак старости, – деловито отчеканил Серёжа.

– Это кто тебя такому научил? Тренер ваш что ли?

– Да. Это он так Максу Шохину сказал, когда тот несколько раз не успел выскочить на голевые передачи и оправдался, что это его предел, лучше сыграть не сможет. Дмитрий Николаевич ему напомнил о том, что мяч имеет шарообразную форму, главное – побороться за него и пробить по воротам. А там всякое бывает – попал или не попал, взял вратарь или пропустил – это не всегда дело мастерства, но и случая.

– И что Шохин?

– А Шохин, мам, в ответ говорит, что Земля тоже шарообразная. Вот, кто-то родился, например, в Нью-Йорке или в Париже, и у него уже жизнь удалась. А кто-то родился на другой стороне земного шара, в нашем городе, где никаких перспектив. Какой смысл ломать свои ноги?

– Ну, а Дмитрий Николаевич что? – заторопила мама.

– А он улыбнулся так, как кот Леопольд, и говорит Шохину, но, скорее, не ему, а всем нам: «Красота Москвы и Питера ничем не хуже, а такой природы, как у нас на Алтае и Камчатке нет ни в Штатах, ни в Европе. У кого жизнь удалась, считай, он её уже прожил. Хоть в Париже, хоть над Парижем. Ему не за что бороться, нечего доказывать, нечему радоваться. А нам с вами есть и что доказать – себе, своим соперникам, своим родителям и учителям, и есть за что побороться. Ведь кубок нашего города он единственный на всей планете Земля, и он не достанется ни ньюйоркцам, ни парижанам. Радость его добыть – это, ребята, на всю жизнь».

– Педагогично, – по слогам проговорила Юлия Павловна.

– Дмитрий Николаевич вообще-то на Макса серьёзные надежды возлагает, он же меня из нападения в полузащиту перевёл, – вздохнул Серёжа, вспомнив, что в нападении ему играть было легче – ни в обороне отрабатывать, ни пасами снабжать линию атаки. – А Шохин теперь центрфорвард, главный бомбардир, после Шуки, конечно, он должен быть авантюристом на поле, идти в борьбу даже тогда, когда нет шансов обрести мяч.

– Что-то захотелось мне с вашим Дмитрием Николаевичем переговорить лично, – протянула Юлия Павловна.

– Приходи завтра на тренировку, нет проблем, Дмитрий Николаевич без этой, как её, без короны на голове, – сказал Серёжа, почесав свой коротко выбритый затылок. – Мам, а можно вопрос?

– Если быстрый, то можно. Спать уже хочется, мне ведь встать на полтора часа раньше, чем тебе, завтрак приготовить, себя в порядок привести, – устало уточнила мама.

– Не знаю, быстрый или медленный. Скажи, а девушки могут полюбить парня? Ну, так, чтобы действительно полюбить?

– То есть... Как это? – чуть не поперхнулась Юлия Павловна.

– Так, как любят мальчишки. Ну, ты, конечно, не знаешь, как у нас это происходит. А как у вас? – замешкался Серёжа.

– Да так же, как и у вас. А чего это ты спрашиваешь?

– Всегда было непонятно. Парни женятся, а девушки выходят замуж. Получается, что влюбляются парни, а девушки только соглашаются на отношения или нет.

– Даже никогда не задавалась таким вопросом. Все люди кого-то любят.

– А ты?

– Что я? Я тебя люблю. Ты же мужчина.

– А Дятлова?

– Мы же сняли эту тему с повестки вечернего разговора, – сдвинула брови мама.

– А папу?

– Давно это было. Кажется, что любила.

– А почему разлюбила?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.